

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

художественно-литературныхъ журналовъ „Новая Иллюстрація“ и „Новое Слово“.

Всѣ статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены непременно ☐ Статьи, рисунки и фотографіи, доставленные безъ обозначенія условій, опла-
ва подписью и съ адресомъ автора, безъ чего онѣ печатаемы не будутъ. ☐ чиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи обратно не возвращаются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
совсѣмъ приложенія-
ми и съ пересылкою:
На годъ . . . 5 руб.
На полгода . . . 2 руб. 60 коп.
ОБЪЯВЛЕНІЯ: впереди текста 1 руб. 20 коп,
позади текста 60 коп.
за мѣсто, занимаемое строкою нонпарейль.
Перемѣна адреса (иногородн. и иногородн.), 15 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
совсѣмъ приложенія-
ми и съ пересылкою:
на ТРИ мѣсяца . . . 1 р. 35 к.
На 1 мѣсяць . . . 45 коп.
ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА (безъ пересылки)—2 н.
Главная Контора и Редакція
СПБ., Галерная ул., собств. д., № 40.
Телефоны: №№ 662 и 223, 93.
Адресъ для телеграммъ: Биржвѣдомости.

№ 13. XVII годъ изданія (I изданія—XXX).

Воскресенье, 17-го января 1910 г.

Обида непониманія.

Къ 50-лѣтію дня рожденія Чехова.

Сейчасъ, когда около имени Антона Чехова такой восторженный говоръ и гулъ, какъ-то странно вспомнить, что какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, сидя рядомъ на скамеечкѣ съ А. П. въ садикѣ, въ Мелеховѣ, приходилось усиленно защищать передъ авторомъ его собственное произведение—одно изъ лучшихъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера: повѣсть «Моя жизнь»!.. Оскорбительное пренебреженіе, съ которымъ отнесся къ ней тогда Н. Михайловскій и К°, подѣйствовали на него подавляюще, и, если-бъ не наша случайная мелеховская бесѣда, Богъ вѣсть, быть можетъ, «Моя жизнь» постигла бы участь чеховскихъ «Огней»,—разказа, какъ извѣстно, выкинутого Чеховымъ изъ полного собранія сочиненій... Удивительно, какимъ образомъ уживались рядомъ въ Чеховѣ такіе два совершенно противоположные человека: смѣлый и зоркій житейскій мудрецъ... и мнительный, не по-чину ребкій, авторъ! Но это было такъ.

Какъ ни покажется невѣроятнымъ, но эта самая «обида непониманія», не взирая на быстро укрѣпившуюся популярность А. П., преслѣдовала его почти всю жизнь.

Разумѣется, дѣло тутъ было не въ одномъ Н. Михайловскомъ и А. Скабичевскомъ... Вспоминается мнѣ, напримѣръ, мытарство, испытанное рукописью одного изъ глубочайшихъ созданій Чехова: «Палата № 6»...

Тургеневское словцо, оброненное въ одномъ изъ писемъ И. С. къ А. С. Суворину, что художественное произведение, с с л и о н о у д а л с я,—злѣе самой злой сатиры, какъ нельзя болѣе примѣнимо къ чеховской «Палатѣ». Помимо своихъ великихъ художественныхъ и психологическихъ достоинствъ, «Палата № 6» въ то-же время злѣйшая сатира на «толстовство» и отчасти на самого Льва Толстого (хотя самъ авторъ едва-ли могъ подозревать)! И кто-бы могъ повѣрить, что эта самая проникновенная «Палата № 6» около года валялась въ редакціи «Русскаго Обозрѣнія»?..

Въ бытность мою въ Москвѣ, зашелъ я какъ-то въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія», къ редактору Анатолю Александрову, и тотъ, мимоходомъ, проговорился, что у него лежитъ чеховская повѣсть «Палата № 6» — «прескучнѣйшая исторія», которую онъ колеблется использовать для журнала, несмотря на выдачный авансъ. Наконецъ, даже чеховскаго терпѣнія дошло, и А. И. поручилъ своему брату Ивану Павловичу вернуть редакціи «Русскаго Обозрѣнія» авансъ (что-то около ста рублей) и направить рукопись въ «Русскую Мысль». Излишне здѣсь повторять, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвела чеховская «Палата» при появленіи ея въ печати!

Или вотъ другая московская картинка...

Соплисъ мы какъ-то съ Чеховымъ въ Москвѣ, рано утромъ, въ редакціи журнала «Артистъ», издаваемого Ѳ. А. Куманинымъ. Куманинъ только что проснулся и первымъ дѣломъ, какъ быть, въ одной рубашкѣ, босикомъ бросился къ телефону... Невольно запомнился этотъ московски-типичный отрывокъ телефонной бесѣды:

— Кто говоритъ, а? Что такое? Могу ли я быть сегодня вечеромъ на засѣданіи? Сегодня вечеромъ никакъ не могу — сегодня вечеромъ буду обязательно пьянъ! Собирается театральная компанія въ «Эрмитажѣ». Что опять? Не могу ли заѣхать завтра вечеромъ? Завтра вечеромъ тоже не могу, — тоже буду пьянъ. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга М. С. Условились телеграммой встрѣтиться у Тѣстова. Послѣ завтра—къ вашимъ услугамъ! Хорошо? Очень радъ! Кланяйтесь Матренѣ Марковнѣ!!

— Наши американцы! — ухмыляясь обмолвился Чеховъ, кивая въ сторону ораторствовавшего редактора, — и однимъ словомъ схватилъ его настоящую сущность. Къ сожалѣнію, Чеховъ куда-то спѣшилъ и въ редакціи оставался недолго; провожая его, Куманинъ за что то усиленно благодарилъ А. П. Но я видѣлъ по глазамъ Чехова, что онъ не особенно довѣрялъ хвалебному редакторскому гимну. Такъ оно и вышло.

Спрашиваю Ѳ. А. по уходѣ Чехова: «Что, далъ Чеховъ что-нибудь «Артисту», какъ общался?»

Куманинъ редакторски спѣсиво надулся.

— Далъ, положимъ, разсказецъ; но вещь, признаться, не изъ важныхъ. Очень водянистая и неестественная.—И добавилъ: — По знасте, все-таки Чеховъ—имя... Неловко не напечатать!..

Когда вышла книжка «Артиста» съ помеченнымъ разсказомъ Чехова, я прямо акнулъ: это былъ «Черный монахъ», т. е. квинтъ-эссенція тончайшей поэзіи и творческой проникновенности! Ѳ. А. Куманину нельзя было отказать ни въ извѣстной чуткости, ни въ здоровомъ смыслѣ, но онъ былъ слишкомъ «толстокожъ» и не его носу было почувствовать такую тонко-сложную вещь, какъ «Черный монахъ».

На воротахъ ростовскаго кремля (Ярославской губерніи) намалеваны старинныя картинки съ надписью подъ ними, и одна изъ нихъ какъ разъ подъ стать для характеристики такого толстокожаго литературнаго оцѣнщика: на картинѣ изображена поросля, нюхающая нѣжный цвѣтокъ, а внизу надпись:

«Не твоимъ поздравь духъ!»

Это, конечно, относится не къ одному Куманину, а, вообще, ко всемъ мало чувствующимъ Чехова, вроде господина Фиделя и К°...

Вотъ въ Народномъ домѣ, по случаю юбилея Чехова, ставятся водевили Чехова и, между прочимъ, его характернѣйшій водевиль «Свадьба».

Ой, не повезло этой «Свадьбѣ» при жизни ея автора! Эта горькая шутка написана давно-давно и называлась сначала «Свадьбой съ генераломъ» (название, пожалуй, болѣе типичное), и никакъ не могла протолкаться на сцену, очевидно напугавъ господъ режиссеровъ своей оригинальностью и обиліемъ дѣйствующихъ лицъ. Но вотъ, стоило Чехову умереть, какъ его «Свадьба» стала репертуарнѣйшей одноактной пьесой, а его «водянистыя и скучнѣйшія» вещи неожиданно превратились въ гениальныя и проникновенныя.

Но все же обиды приходилось переживать, и сколько было такихъ, которыхъ мы еще не знаемъ! Одинъ петербургскій провалъ «Чайки» во что обошелся здоровью Чехова; а запрещеніе «Дяди Вани» литературнымъ комитетомъ могло бы еще болѣе его пришибить, если-бъ не явился случайно на выручку волшебникъ Станиславскій.

И теперь, когда я слышу со сцены дрожащій голосъ оскорбленнаго «капитана Ревунова», покидающаго свадебный пиръ, мнѣ чудится за его спиной голосъ самого Чехова, безвременно покидающаго пиръ жизни:

— Какая низость! Оскорбить такъ заслуженнаго литератора! Гдѣ дверь? Въ какую сторону идти?...

Ив. Щегловъ (Леонтьевъ).

Комментарий

...вроде господина Фидэля и Ко... – под псевдонимом Фидель была издана книга «Новая книга о Чехове. Ложь в его творчестве» (СПб., 1909).